

КИНО ТЕАТРЪ и ЖИЗНЬ

№ 1

17 ноября 1913 г.

Цѣна 10 коп.

МОСКВА,
Гверская, 37, кв. 8. Тел. 5-49-01.

Лито.
Печатня
Б. М.

ПРЕКАНОВ

ТЕАТРЪ и ИСКУССТВО.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕАТРЪ.

Фот. Фишерг.

Николай Ставругинъ.—В. П. КАЧАЛОВЪ.

„Николай Ставругинъ“.

Я пишу съ этой постановкѣ Художественнаго театра уже послѣ того, какъ о ней высказалась вся московская театральная критика. И на этотъ разъ я заранѣе вижу, что мое мнѣніе, какъ это уже нерѣдко бывало, будетъ «особымъ». Однако, я постараюсь не увлечься полемикой и излагать свое «особое мнѣніе» не въ видѣ возраженія, а только въ качествѣ передачи своихъ впечатлѣній отъ спектакля. Только на одномъ пунктѣ я остановлюсь предельно. Всякому ясно, что романъ не можетъ быть уложенъ въ сколько-нибудь полное видѣ въ рамки театральнаго представленія. «Инсценировка» можетъ быть только выборкой, или «отрывками», какъ пишутъ на афишахъ Художественнаго театра. Поэтому «авторъ» инсценировки, т.-е. то лицо, которое выбираетъ эти «отрывки», не можетъ стараться объять необъятное и долженъ по возможности строго ограничить ту сторону романа, которую онъ избралъ для сценическаго воплощенія. Въ частности нужно избѣгать введенія большого количества лицъ, сосредоточить вниманіе на немногихъ изъ «героевъ» романа. Даже

болѣе того, наиболѣе цѣлесообразно построить всю инсценировку вокругъ одного лица, чтобы въ спектаклѣ былъ *центр дѣйствія*, чтобы было «единство дѣйствія», это незыблемое, необходимое условіе театральнаго представленія. При постановкѣ отрывковъ изъ «Братьевъ Карамазовыхъ» объ этомъ не позаботились въ должной мѣрѣ. И я въ свое время указывалъ, что надо было нѣсколько иначе выбрать и расположить отрывки, а именно, надо было одинъ вечеръ посвятить Митѣ, а другой Ивану Карамазовымъ. Первый вечеръ можно было начать «Исповѣдью горячаго сердца» и кончить Мокрымъ, убравъ по возможности «съ дороги» сцены съ эпизодическими лицами. Тогда во второй вечеръ можно было бы очень выгодно представить «душевную драму» Ивана Карамазова. Впечатлѣніе отъ cadaго вечера было бы тогда гораздо болѣе цѣльнымъ, и не казалось бы, что однѣ части спектакля «ужасны», а другія «гениальны».

Выбирая отрывки изъ «Бѣсовъ», Вл. Ив. Немировичъ-Данченко всталъ, именно, на такой, съ моей точки зрѣнія, совершенно правильный путь. Онъ избралъ одного «героя»—Николая Ставругина, и въ теченіе вечера провѣлъ его перѣдъ зрителями въ рядѣ сценъ, очень ясно одна съ другой связанныхъ. Конечно, и Николай Ставругинъ не представленъ въ постановкѣ съ исчерпывающей полнотой, но достигнута полнота и цѣльность, вполне достаточная для театральнаго представленія. Другіе образы романа по необходимости введены въ очень урѣзанномъ видѣ. Это и вызываетъ возраженія: «разъ въ приспособленіи сохранены такія-то и такія-то фигуры романа, такіе-то и такіе-то образы, необходимо сохранить и такой матеріалъ, изъ котораго можно бы на сценѣ, въ актерскомъ исполненіи, вылѣпить эти фигуры въ достаточной характерности, сложности и ясности». Но это и значило бы запутать дѣйствіе инсценировки, сбить его съ прямой линіи. Кромѣ сценъ для обрисовки Николая Ставругина понадобились бы и сцены, напримѣръ, для Степана Трофимовича Верховенскаго. Немировичъ-Данченко былъ правъ, что не пошелъ по этому пути.

Мое впечатлѣніе, что «Николай Ставругинъ» оказался прекрасной пьесой съ энергичнымъ захватывающимъ дѣйствіемъ. Великолѣпный театральный матеріалъ и для актеровъ и для режиссера. Изъ такого матеріала можно было бы создать спектакль самаго жгучаго интереса и потрясающей силы. Почему же не было такого спектакля? Почему публика восприняла «Николая Ставругина» довольно равнодушно? Для меня отвѣтъ простъ и ясенъ: потому что актеры играли недостаточно сильно. Потому что большинству актеровъ Художественнаго театра еще не по плечу задачі играть героевъ Достоевскаго. Что было грандіозно по силѣ въ представленіи «Братьевъ Карамазовыхъ»? Сцена въ «Мокромъ», которую мощно провѣдиль г. Леонидовъ. И въ «Николаѣ Ставругинѣ» г-жа, Лилина, г. Грибунинъ, г. Версенева, моментами г-жа Бутова (несмотря на неудачное и въ общемъ и во многихъ деталяхъ исполненіе), г-жа Барановская (несмотря на очень ограниченный матеріалъ для исполненія) содѣйствовали силѣ впечатлѣнія, приближали къ дѣйствительно одухотворенной, правдивой и вѣстѣ съ тѣмъ темпераментной передачѣ. А одна г-жа Коренева (Лиза) была въ состояніи разбить всѣ усилія ряда прекрасныхъ актеровъ. На ея

плечи режиссеръ возложилъ огромную тяжесть, и вряд ли можно винить артистку за ея полное безсиліе. А, вѣдь, именно Лиза должна была быть исполнена страшно сильно. Вѣдь какія слова она говоритъ. Говорить, напримѣръ (и остро переживаетъ это), что за нее зарѣзали двухъ людей. Такія слова должны быть произнесены съ изступленной силой, такъ, чтобы театръ содрогнулся. Въ сценѣ, именно, съ Лизой оказался слабъ и г. Качаловъ, впавшій здѣсь въ непріятную декламацию. Это—большой минусъ его почти во всемъ остальномъ превосходной передачи Николая Ставрогина. Артистъ далъ отличный внѣшній обликъ «красавца», останавливающего на себѣ внимание не только чертами лица, фигурой, манерой, но и душевной значительностью, душевной силой, о которыхъ заставляешь догадываться эта замѣчательная внѣшность. А внутри—глубокая опустошенность души, жуткая тоска, банкротство; тамъ уже умеръ «Иванъ-Царевичъ», которымъ бредилъ Петръ Верховенскій, тотъ пророкъ, на котораго молился Шатовъ. Качаловъ сумѣлъ дать чувствовать въ мысли Ставрогина крупный масштабъ личности, большую, но опустошенную душу. Ставрогинъ—«храмъ безъ Божества», такъ показалъ его г. Качаловъ и это было прекрасно, какъ по замыслу, такъ и по выполнению.

Какъ въ романѣ, такъ и въ инсценировкѣ Ставрогинъ все время проводится въ «пархъ» съ кѣмъ-нибудь, въ отношеніи къ кому-нибудь другому. «Ставрогинъ и Лиза», эта сторона инсценировки была передана очень слабо. Превосходно, напротивъ, прошелъ рядъ сценъ «Ставрогина и Петра Верховенскаго». Берсенева игралъ Петра Степановича удивительно. Диву даешься, какъ смогъ артистъ выдержать всю эту суму, съ своеобразное горніе Петра Степановича, неугомоннаго, мучающагося, сыплющаго неизомѣрными количествомъ словъ. Задача изъ самыхъ нелегкихъ, но г. Берсенева ее ополѣлъ блестяще; имъ былъ показанъ дѣйствительно какой-то «бѣсъ», мелкій, противный и кошмарно неотступный, все проникающій и даже имѣющій какую-то власть. Артистъ сумѣлъ показать и Петра Степановича—энтузиаста, фанатика одержимаго своей идеей. Образъ былъ яркій и многогранный. «Ставрогинъ и Шатовъ»—это было не сильно. Меня очень не удовлетворилъ игравшій Шатова г. Массалитиновъ. У артиста есть физическій темпераментъ, онъ умѣетъ горячиться на сценѣ, искренно кричать. Но все это на мой взглядъ не составляетъ дѣйствительной силы. И во всякомъ случаѣ это матеріалъ, негодный для воплощенія Шатова. Тутъ нужно

совсѣмъ особое напряженіе страсти, нужно ощущение огня, пронизывающаго все существо. И со стороны характеристики г. Массалитиновъ игралъ неинтересно, не давъ ничего неожиданнаго, внезапно освѣщающаго фигуру.

И братъ и сестра Лебядкины были воплощены въ талантливо начертанныхъ образахъ. Игру г. Грибунина въ особенности отмѣчала какая-то рѣдкая четкость, выпуклость и непреложная убедительность трактовокъ. Въ заслугу надо поставить артисту то, что онъ сумѣлъ очень точно выдѣлить въ фигурѣ капитана Лебядкина главныя, основныя чертанія, и не переусердствовалъ въ характерности, не перегрузилъ исполненіе мелочными деталями, не впалъ во грѣхъ, очень обычный для артистовъ Художественнаго театра. Лебядкину г-жа Лилина играла со свойственными ей яркостью и смѣлостью.

Ограничусь этими замѣчаніями объ отдѣльныхъ исполнителяхъ. Скажу, что въ общемъ играть интересно, но не такъ страстно, трепетно, какъ это необходимо при изображеніи Достоевскаго. Обнаженные нервы, какой-то киплящій, хлопочущій котелъ напряженныхъ мучительныхъ переживаній—вотъ чѣмъ должна быть психологія спектакля, составленнаго изъ отрывковъ Достоевскаго. И въ инсценировкѣ Художественнаго театра былъ матеріалъ для этого достаточный. Повторяю, г. Немировичъ составилъ по «Бѣсамъ» отличную, въ высшей степени сценичную пьесу. Только что-то не удалось ему со сценой бала. Вышло сумбурно, невразумительно. Я думаю, что это режиссерская неудача, что возможна была болѣе сильная и выразительная постановка. При такой же постановкѣ лучше было эту картину совсѣмъ опустить, оставивъ зато сцену на мосту съ Овдѣйкой Кат. ржнмъ, которая могла бы еще усилить дѣйствіе «Николая Ставрогина».

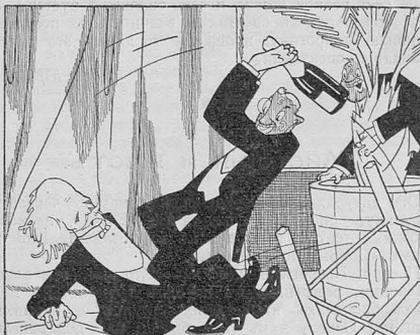
Художникъ г. Добужинскій не оказалъ помощи дѣйствию спектакля, но ничего и не испортилъ. Только слѣдуетъ возразить противъ обстановки 2-ой картины (гостиняя у Варвары Петровны). Нельзя сцену, тянущуюся чуть ли не три четверти часа, вести на такомъ раздражающемъ глазъ ярко-красномъ фонѣ. Это мѣшаетъ смотреть, слѣдить за актерами. Вообще, къ глазамъ зрителей въ Художественномъ театрѣ безпощадны. Здѣсь во имя натуральности, напримѣръ, оставляютъ сцену въ полумракѣ, освѣщая лица исполнителей дрожащимъ пламенемъ свѣчки (сцена у Шатова). Этимъ зритель утомляется раньше времени и становится къ концу вечера мало восприимчивымъ. Вѣдь нельзя не считатьъ съ тѣмъ, что представленіе «Николая

ВОЗВРАЩЕНІЕ БАЛЬМОНТА

Карикатура Д. Моора.

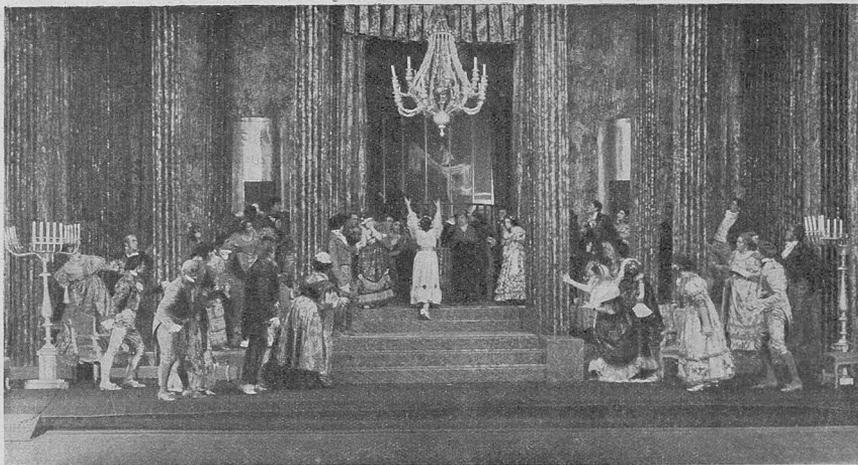
изъ страствованій

на родину.

СВОБОДНЫЙ ТЕАТРЪ. «ПОКРЫВАЛО ПЬЕРЕТТЫ».

Фот. Фишеръ.

2-ая картина.—Свадебный балъ.

Ставрогина» тянется почти четыре съ половиной часа и надо стараться облегчить зрителю его бремя. Я думаю также, что артистам Художественного театра слѣдуетъ еще работать надъ своей дикией—не со стороны ея ясности, которой почти у всѣхъ исполнителей достаточно, а для достиженія ея мягкости, приятности для слуха. Я помню, какъ буквальное «стрекотанье» одной актрисы раздражало меня на мольеровскомъ спектаклѣ. На этотъ разъ замѣчу, что обиліе словъ и необходимость скороговорки требовали отъ г. Берсенева особаго искусства говорить, безъ котораго его рѣчи теперь иногда слишкомъ раздражаютъ слухъ и опять-таки способствуютъ преждевременному утомленію. То же самое можно повторить по адресу нѣкоторыхъ другихъ.

И, несмотря на все это, спектакль высиживается до конца безъ всякой досады и безъ ощущенія пустоты. Значитъ, это интересный спектакль, значительная постановка. «Николаю Ставрогину» прощаешь его длину: это уже есть оправданіе спектакля.

М. Юрьевъ.

Мистерія и жестъ.

Отъ натурализма «Сорочинской ярмарки», черезъ стилизованную оперетку «Прекрасная Елена», московскій Свободный театръ перешелъ къ многозначительной пантомимѣ «Покрывало Пьеретты».

Пьерро, Пьеретта и Арлекинъ. Кто они, эти роковые любовники, рожденные въ глубинѣ времени, на подмосткахъ бродячихъ италіанскихъ труппъ и парижскаго балагана? Почему намъ такъ близки ихъ подкрашенные лица, съ трагическимъ разрывомъ глазъ и алыми губами? Почему они воскресли?

Не потому ли, что, измученные нестройнымъ крикомъ жизни, мы жаждемъ мистеріи? Не потому ли, что всѣ мы, какъ навивной Пьерро, мечтаемъ о Пьереттѣ, и вѣчно поперекъ нашего пути стоимъ Арлекинъ, съ дьявольской усмѣшкой своего блѣднаго лица?

Пьерро, Пьеретта и Арлекинъ—не собствєнныя имена. Они болѣе символы, чѣмъ образы. Они—маски. И потому не ограничены ни гоголемъ, ни городомъ. Они—созвѣдія нашей души. Ихъ субстанція—наша любовь, наша боль, наша мечта. И потому они не аллегорія.

«Аллегорія логически ограничена и внутренне неподвижна: символъ имѣеть душу и внутреннее развитіе.»

«Символъ только тогда истинный символъ, когда онъ неисчерпаемъ и безпредѣленъ въ своемъ значеніи, когда онъ изрекаетъ на своемъ сокровенномъ языкѣ намека и внушенія нѣчто неизглаголанное, неадекватное внѣшнему слову» (В. Ивановъ).

Свое наивысшее выраженіе символъ получаетъ въ музыкѣ и вытекающемъ изъ нея жестѣ. Ибо они сами, какъ онъ, многосмысленны и неадекватны слову.

Слово ограничено и блѣдно. Содержаніе больше слова. Когда человѣкъ забывается въ религиозномъ или эстетическомъ (что все равно) дѣйствіи, онъ безмолвствуетъ. Не можетъ онъ, чувствуя по звѣздамъ, говорить языкомъ земли. Слово слишкомъ невыразительно, чтобы быть пѣсней его души...

Не долженъ ли театръ быть «голосомъ безмолвія»? По крайней мѣрѣ, иногда?

И намъ понятно, когда Гордонъ Крэгъ пьетъ:

...«Проходя черезъ дверь, (въ Мюнхенскомъ театрѣ), ведущую на сцену, я видѣлъ слѣзущія слова: Sprechen Streng Verboten, что означаетъ: говорить строго воспрещается. Первая минута мнѣ показалась, что я на небесахъ. Я подумалъ: наконецъ-то они открыли искусство театра! Но—увы!—Они такъ далеко не заходятъ въ искус-